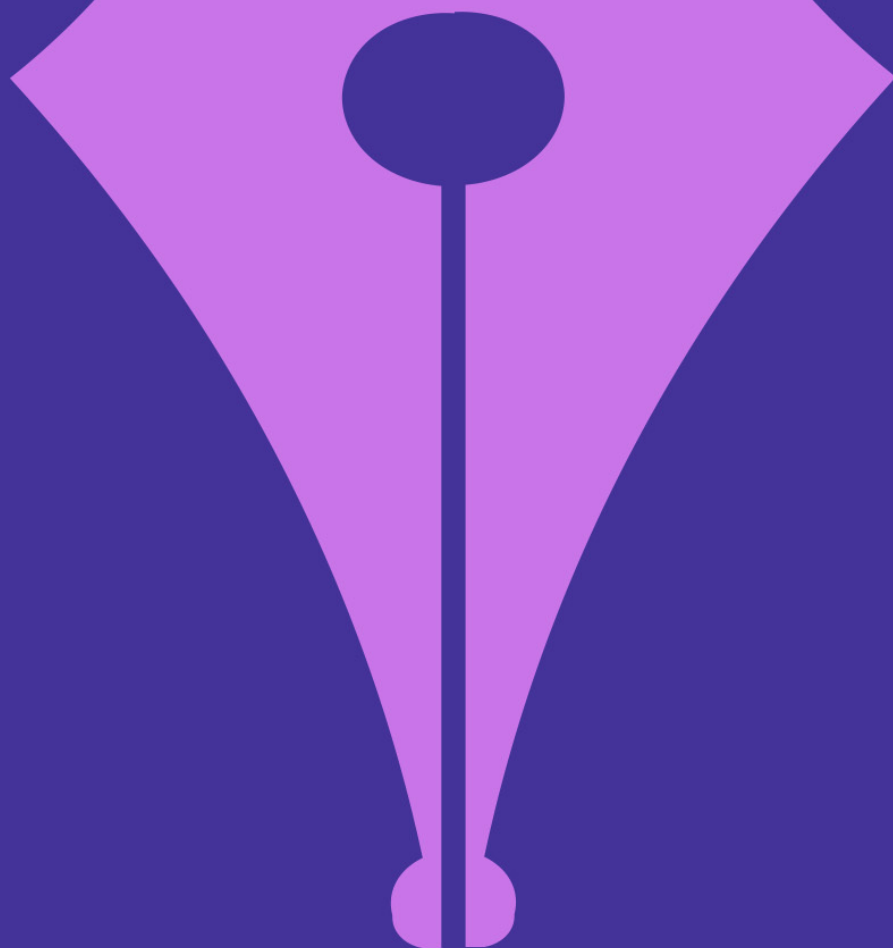

ФРАНЦ КАФКА

ОТЧЕТ
ДЛЯ АКАДЕМИИ

Франц Кафка

Отчет для академии

«ЭКСМО»

1917

Кафка Ф.

Отчет для академии / Ф. Кафка — «Эксмо», 1917

«Высокопочтимые господа из академии! Вы оказали мне честь, призвав подготовить для академии сообщение о былой моей обезьяньей жизни. Тем более что я вряд ли могу соответствовать высоте поручения. Вот уже пять лет отделяют меня от моего обезьянства – кратенький срок, может быть, в календарном измерении, однако бесконечно длинный для того, кто проскакивает по нему галопом, а ведь я это проделал, сопровождаемый на разных отрезках дистанции великолепными людьми, советами, рукоплесканиями и раскатами оркестров, но, в сущности-то, в одиночестве, ибо сопровождавшие меня оставались всякий раз, чтобы видеть всю картину целиком, далеко за барьером. Ничего подобного не достиг бы я, если бы продолжал упорно держаться особенностей своего происхождения, воспоминаний юности. Как раз отказ от какого-либо упрямства был тем высшим заветом, которому я следовал; я, свободная обезьяна, подчинился этому игу...»

© Кафка Ф., 1917

© Эксмо, 1917

Франц Кафка

Отчет для академии

© Ю. Архипов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Высокочтимые господа из академии!

Вы оказали мне честь, призвав подготовить для академии сообщение о былой моей обезьяньей жизни. Тем более что я вряд ли могу соответствовать высоте поручения. Вот уже пять лет отделяют меня от моего обезьянства – кратенький срок, может быть, в календарном измерении, однако бесконечно длинный для того, кто проскакивает по нему галопом, а ведь я это проделал, сопровождаемый на разных отрезках дистанции великолепными людьми, советами, рукоплесканиями и раскатами оркестров, но, в сущности-то, в одиночестве, ибо сопровождавшие меня оставались всякий раз, чтобы видеть всю картину целиком, далеко за барьером. Ничего подобного не достиг бы я, если бы продолжал упорно держаться особенностей своего происхождения, воспоминаний юности. Как раз отказ от какого-либо упрямства был тем высшим заветом, которому я следовал; я, свободная обезьяна, подчинился этому игу. И воспоминания стали все больше покидать меня. Если в самом начале моего пути возвращение к прошлому, пожелай этого люди, напоминало бы марш через отверстые врата, которые само небо распростерло над землею, то по мере моего вдохновляемого плетью развития врата становились все ниже и уже; все благополучнее и естественнее чувствовал я себя в мире людей; буря, бушевавшая в прошлом, успокаивалась, а ныне это лишь небольшой сквознячок, щекочущий мои пятки; и то отверстие вдаль, откуда он дует и откуда я сам вышел, стало так мало, что я, буде пришла бы такая воля и объявились силы, ободрал бы себе всю шкуру, в него продираясь. По правде говоря, господа, хоть я ни на чем не настаиваю, но ваше обезьянство, коли есть оно в вашем прошлом, должно быть не дальше от вас, чем мое от меня. Пятки щекочет ведь каждому из нас, шагающих по земле, малышке шимпанзе так же, как великану Ахиллу. В каком-то более ограниченном смысле я, пожалуй, смогу удовлетворить ваше любопытство, и я даже с превеликой радостью сделаю это. Первое, что я разучил, так это подавать руку для пожатия; рукопожатие есть первый признак открытого нрава; и это так, даже если теперь, на вершине карьеры, я присовокупляю к тому и доброжелательные слова. Все это вряд ли явится чем-то существенным для академии и наверняка не то, чего от меня ожидают и чего я при всем желании не могу дать, но пусть будут приведены здесь хоть эти маленькие указатели пути, который бывшая обезьяна проделала в человеческий мир, где смогла закрепиться. Но и те малости, что последуют, я не смог бы вам поведать, если б не был уверен в том, что положение мое на всех больших сценах в варьете всего цивилизованного мира совершенно неколебимо.

Родом я с Золотого Берега. О том, как меня отловили, я могу рассказать лишь с чужих слов. Охотничья экспедиция фирмы «Хагенбек» – с их предводителем, кстати, я с тех пор осушил не одну бутылку вина – залегла в прибрежных кустах, когда я со своей стаей спустился вприпрыжку к вечернему водою. Раздались выстрелы; я был единственный, в кого попали, причем дважды.

Одна пуля пришлась в щеку, пусть по касательной, но оставила, щеку выбрив, большой красный шрам, что и принесло мне это противное, совершенно вздорное, вот уж действительно обезьяной придуманное прозвище Красный Петер, будто я только этим красным шрамом на щеке и отличаюсь от недавно околешего, довольно известного по выступлениям дрессированного самца по имени Петер. Но это так, к слову.

Второй выстрел угодил мне пониже бедер. Рана была тяжелая, и она причиной того, что я и по сей день немного хромаю. Недавно я прочел в одной из десятка тысяч статей этих скотов, изгаляющихся на мой счет в газетах: моя, мол, обезьянья природа все еще дает о себе знать, ибо я охотно снимаю штаны при гостях, чтобы показать, где и как вошла в меня пуля. Этому подонку писака да отрубить бы по очереди каждый пальчик его писучей руки. Ибо есть у меня, есть право снимать штаны перед каждым, когда захочу; и нет там ничего такого, кроме ухоженной шерсти и шрама после – поищем тут подходящий эпитет, не смущаясь мнимым кошунством, – после святотатственного выстрела. Любуйтесь все, никаких секретов; коли речь заходит об истине – не до деликатных манер. Вот если бы этот писака вздумал снимать свои штаны при гостях, то вид предстал бы совершенно иной, и я вынужден признать в нем некоторые признаки разума, раз он не делает этого. Но тогда уж и не суйся ко мне со своими ужимками!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.